

Писатель, главный редактор российского журнала «Геополитика» Елена САЗАНОВИЧ:

«Возможно, пришло время моего нового романа...»

В нынешнем году российская писательница и публицист Елена Сазанович получила премию журнала «Юность» имени Валентина Катаева за роман «Гайдебуровский старик». Это уже не первая литературная награда Елены, творчество которой началось с гродненской районной газеты «Сельская новь», где опубликовали ее стихотворение «Маме». Елена родилась в Гродно, окончила журфак Белорусского государственного университета, работала в газете «Знамя юности» и журнале «Парус». Затем уехала учиться в Москву. Здесь и обосновалась вместе с семьей после окончания сценарного факультета ВГИКа имени С.А.Герасимова. Сейчас Елена – член Союза писателей России и Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, редакционного совета журнала «Юность» и редколлегии журнала «Российский колокол». Она – автор более двадцати романов, повестей и пьес, а также десяти книг, изданных в издательствах и журналах России, Беларуси, Латвии, Германии, Австрии, Швейцарии, Чехии и США. Помимо литературы, активно занимается публицистикой. Елена Сазанович – главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

– Елена, вы родились в Гродно, здесь учились в школе, затем окончили Белгосуниверситет в Минске, а сейчас живете и работаете в Москве. Какие пути привели вас в столицу?

– Есть шуточный тезис: «Где родился – там и пригодился». В идеале – это правильно. Хотя бы потому, что тогда все проще и понятнее. Потому что это – твое все. Твоя Родина, твой дом, твои родственники, друзья, соседи. В другом городе, и тем более другой стране, все это нужно еще «заработать». В том числе заслужить. Например, право на чужое пространство. Но, возможно, дело не в том, где сидишь, а как растешь? К тому же частенько нами распоряжается судьба. Хотя и мы частенько горазды эту судьбу ломать через колено...

Как-то в одном из романов я написала: «Ведь березу не пересядишь в горшок. А орхидея не уживется на воле...». Жизнь многограннее и сложнее... Из Белоруссии я уехала в Москву еще во времена Советского Союза. Меня пригласили учиться во ВГИК. Взяли сразу на второй курс, поскольку у меня уже было высшее образование... Потом оказалось, что в итоге поменяла родину. Но Родину не поменяла. Впрочем, тогда многие уезжали в столицу. И приглашали многих. Но, конечно, не на заработки. Существовала практика давать шанс способным людям добиться успеха (и в столице это было сделать реальнее). Личные успехи складывались в один общий, который и формировал имидж советского государства. И это было правильно. В те времена столицу (а значит – всю страну) представляли талантливые ученые, врачи, инженеры, творческие работники из всех республик. И она неизбежно была многонациональной. Она и теперь многонациональна. Но, увы, уже по другой, более печальной причине...

В общем, я начинала учиться в одном государстве, а оканчивала – совершенно в другом... Когда родительский дом находился уже за границей...

– **Свое детство часто вспоминаете?**

– Конечно. Воспоминаний – миллион... Хотя бы о ребятах нашего двора. Если бы посвятить этой теме роман, то наш подъезд можно представить своеобразной моделью мира. Того мира, в котором мы жили. Теперь другой мир и, наверное, другое детство. Более холодное, что ли, более осторожное и, конечно, технически запрограммированное. А тот наш подъезд – это была дружная семья. Если хотите – община. Во всяком случае, детская. Мы летали в космос, были индейцами, разведчиками, артистами. Мы меняли образы и тем самым, наверное, искали себя. И смысл жизни. И все для нас было интересно...

В моей прозе воспоминания детства проходят отрывочно. В общем-то, я все придумываю, не люблю писать воспоминания и не пишу. Все – чистой выдумкой. Сочинительство... Но какие-то факты неизбежно всплывают в памяти. Так, в одном из романов я описала реальную историю из детства. Смерть голубя... Помню, как раненого мы его выхаживали в подъезде. А потом шли хоронить. В коробке. Собралась целая детская процессия. Как положено, по-взрослому. Чопорно и торжественно. И все плакали... До сих пор я помню то дерево, у которого голубь похоронен. Сегодня я уже на многое закрываю глаза. Но когда проезжаю мимо дома, где прошло мое детство, это дерево вижу.

– **Вы даже на простые вопросы отвечаете как писатель... Кстати, писательский талант – это наследственное?**

– Я не очень верю в наследственность, в гены и т.п. Конечно, проще,

когда династия. Тогда родители могут помочь детям в профессии, имея там связи и опыт. Да и, безусловно, огромную роль играет атмосфера... И все же талант невозможно впитать или просто так взять, «на халяву», потому что есть родители. Особенно это касается творческих профессий. В творчестве можно, но сложно прикрыться родителями. Талант – слишком уж наглядная вещь. Наверное, от Бога...

У меня родители были далеки от творческой профессии. Папа Иван Алексеевич – финансист, мама Юлия Игнатьевна – медработник, двадцать лет трудилась в Гродненском роддоме. Но в доме всегда была масса книг, потому что в детстве я очень много и с удовольствием читала. Как и с удовольствием ходила в школу №16 имени Аркадия Гайдара (до сих пор с особой теплотой вспоминаю своих учителей). А сколько кружков я посещала! Помню, как меня водили то в кружок художественного чтения, то в «Умелые руки», то в театральный, то в музыкальную студию... Впрочем, это было нормой для советских детей. Да, и, конечно, спорт.

В нашем доме жила знаменитая Ольга Корбут. Отлично помню то время – весь мир сходил по ней с ума. Но она запросто приглашала нас, детей, к себе в квартиру, дарила свои фотки и сувениры, рассказывала спортивные истории. А мы, маленькие девчонки, подражая ей, завязывали хвостики «а-ля Корбут»... Кстати, однажды Ольга взяла меня за руку и привела в гимнастическую секцию. И я даже делала успехи. Но гимнастикой не стала. Меня всегда больше увлекала литература.

Первое стихотворение я написала на уроке математики в 3

классе. Оно называлось «Деревня Щорсы» (это – родина моего папы, и мы часто ездили туда на каникулах). Но одно лето было, видно, особенным в моей жизни... Тогда я, еще маленькая девочка, сидела под умершим дубом, где сочинял стихи Адам Мицкевич. Я уже знала, что это великий поэт, хотя еще не читала его произведений. И тогда подумала: если я сижу под его дубом, где и он сидел, то тоже смогу сочинить. Взяла и сочинила!.. Такое вот было начало.

– **В творчестве, наверное, каждого известного человека есть утро, когда он вдруг просыпается знаменитым. Расскажите, пожалуйста, о своем...**

– Я проснулась знаменитой лет в 16. И я помню это очень солнечное утро. Какое-то неправдоподобно яркое. И мой Гродно. И этот март. И весенний бульвар имени Ленинского комсомола, где прошло мое детство. Я бегу по нему к редакции «Сельской нови», чтобы взять газету... Тогда к 8 Марта я написала стихотворение «Маме». И его опубликовали. Это было действительно счастье. Особенно потому, что мама так обрадовалась!.. Вот тогда я и почувствовала себя знаменитой. И даже думала, что меня уже все знают. С моей лучшей подругой Таней Сучковой (она теперь известная детская писательница) отметили публикацию. Купили бутылку лимонада и тортик...

Больше я себя вот так понастоящему знаменитой не ощущала. Когда дух захватывает. И уже так не отмечала. Хотя действительно были успехи. Но по настроению их невозможно сравнить с той маленькой победой... К тому же, кого и что сейчас знают? По гамбургскому счету? Сейчас нет понятия «известный писатель», оно слишком условно. Все известные личности

остались в далеком прошлом. И дело не в уровне таланта. Дело во времени. Люди перестали читать. Возможно, скоро писателей станет гораздо больше, чем читателей. И появится термин – «гениальный читатель». Который, например, может осилить всего Достоевского... Искусство превратилось в бизнес. Или шоу-бизнес. Среди писателей все больше любителей. Среди читателей все больше нелюбителей читать. И профессия в итоге стала невостребованной.

– **В большую литературу вы пришли в начале 90-х, в смутное время, весьма непростое не только для писателей – для всех... Как оно вспоминается сейчас?**

– Забыть, причем никогда не вспоминать. Но вспоминать, безусловно, надо. В 1993 году я окончила ВГИК, в тяжелое для страны время. В год расстрела парламента. Впрочем, тогда разрушалось все: и наука, и образование, и медицина, и культура, и... и... и... Страны уже фактически не было. Все были на распутье. О каком кино речь?! Все! «Кина не будет»... Так я разочаровалась в кинопрофессии.

– **Но ваша дочь все-таки стала кинематографистом...**

– Не прости стала. В свое время после журфака Белгосуниверситета я окончила сценарный факультет ВГИКа, а уже позже Елизавета (она – Трусевич и, к слову, тоже родилась в Гродно), можно сказать, доокончила. И стала кинематографистом. Она с детства писала, рисовала, снимала. Сейчас, скажу без пристрастия и преувеличения, у нее прекрасные документальные фильмы, которые имеют большой резонанс и массу наград (все – в Википедии). Сейчас Лиза как режиссер и сценарист сняла прекрасный детский фильм. Полнометражный игровой...

Так что в 90-е маленьким островком для меня осталась литература. Поскольку это одна из немногих профессий, где ты можешь принадлежать исключительно себе, где тебе достаточно ручки и бумаги. И одновременно тебе может принадлежать весь мир. Его можно сочинять, судить, оправдывать. Тогда – еще по инерции – была востребована качественная литература (издатели все же были воспитаны на хороших книжках). Этого абсурдного потока дешевки с яркими обложками и низкопробными текстами еще не было. Меня много печатали... Вообще, конечно, было страшное, мрачное время. И дома взрывались, и метро, и троллейбусы. И в заложники брали. И ветеранов избивали. Люди годами не получали зарплату, жили в неотапливаемых домах. Но у нас странная страна. Теперь, когда только все стало налаживаться, только почувствовали почву под ногами, только вылезли из болота, некоторые тут же добровольно назад в болото захотели. Испытание для людей – это не ужасы. Испытание – это налаженная и спокойная жизнь. Когда постоянно хочется большего. А заканчивается пустотой. Как в сказке о «Золотой рыбе».